

АНДРЕЙ ИСАКОВ

ЗАСАДА

(Рассказ чабана)

Район наш овцеводческий. Овец превеликое множество. А туда, где есть овцы, — всегда волки за поживой торопятся. И вот прошла как-то молва по району, что, мол, есть указание уничтожить всех волков. Обрадовались чабаны, а больше всех — чабан Афанасий Игнатенков. Его кошара ближе к глухим волчьим местам стоит. Так вот, приехали охотники к Игнатенкову, три человека, значит. Расположились и говорят Афанасию:

— Разрешаем тебе, Афанасий Петрович, отдыхать всю ночь. Хочешь — спи, хочешь — лежи, только не мешай нам охотиться. А собак своих привяжи, чтоб не тявкали. За овец мы отвечаем. Понятно?

— Понятно, — ответил чабан, — насчет волков слышал указание.

Как велели охотники, так и поступил Игнатенков. Всех волкодавов привязал, да еще и по пинку каждому в бок дал, чтоб не рычали и не совали свои собачьи носы в охотничьи дела.

Угомонил собак Афанасий и сам с подпасками улегся спать. Пошли охотники в засаду. Взял каждый охапку соломы, чтобы не сидеть на холодной земле, и направился

к облюбованному еще засветло месту. А ночь хмурая, темь густая, ни звезд, ни месяца. В такую-то ночь волк не отлеживается в логове, добычу ищет,

Сидели охотники час — нету волков. Сидели два — опять нету. Овцы в открытом базу, а волки не идут. Будто депешу кто отправил им: так, мол, и так, засада, отару охотники обложили, ждут вас.

Скучно стало охотникам. Сползлись. Поговорили тихо: холодно, мол, погреться надо бы.

Достали бутылочки из сумок, погрелись каждый из своей и расползлись. И стало в поле еще тише.

Но вот Игнатенков сквозь сон услышал не то шум, не то гул. Потянулся, эдак нежно, сладко, хотел сигарку свернуть, да раздумал. Можно огоньком охотникам помешать. Полежал, полежал Афанасий — ничего не слышно. И решил чабан обход совершить, как, мол, там охотники. Живы ли? Идет и видит: спит один на соломе, к другому — и другой прихрапывает, третьего отыскал — и тот поживает. А овцы в базу дрожат. Видно, напугал их кто-то. Взял Игнатенков у сонного охотника ружье и пошел вокруг база. Ходил, ходил и пришел к артезианскому колодцу. Видит — ключья шерсти лежат около лужи. Тут и ноги овечьи и голова валяется. Обследовал чабан овечью голову — теплая. «Моя овца, — подумал Афанасий. — Волки только что съели ее, напились воды и ушли». Рассердился чабан на охотников и решил отплатить злой шуткой за обман, за то, что отвлекли они от важного дела. Зацепил он ружье ремнем за ногу овечьего скелета и побегал к отаре, чтобы захватить, значит, охотников спящими. Прибежал — спят охотники и просыпаться не собираются. А рассвет уже наметился. Ходит Афанасий молча, сон охотников охраняет, чтобы, значит, волки их не съели. Видит — проснулся один, тот самый, у которого ружья нет. Шарит руками, ружье ищет. Но лишь заметил чабана — перестал шарить, будто ничего не случилось. Подошел к нему Афанасий:

— Доброе утро! — говорит.

— Доброе, да не очень, — отвечает охотник. — Всю ночь бдили... нет зверя. Уморно, а толк какой? Харчи зазря

истребляем.

Охотник закурил. Пока стоял около него Афанасий, он сидел смиренно, но как только отошел — снова принялся искать ружье, перебрасывая с места на место свою сумку, как будто длинная двустволка спряталась под сумкой. Он даже за спиной пошарил руками, не веря тому, что ружья нет. К нему подошли проснувшиеся охотники. В это время Афанасий разбудил подпасков, готовился выпускать отару на пастьбу.

— Вам бы отдохнуть нужно, добрые люди,
— крикнул Афанасий охотникам. — Ночь-то осенняя, длинная, утомились, видно...

— Отдохнуть мы еще успеем... другое дело есть: ружьишко куда-то запропастилось... не подшутил ли ты, Афанасий Петрович?

— Это о чем вы речь-то ведете? — переспросил обиженным тоном чабан. — Какое ружьишко? Куда запропастилось? Отару, спасибо вам, сберегли от волков, а на ружьишко ваше волки не позарятся.

Чабаны выпустили овец из база и погнали левее артезианского колодца. Отара шла тихо. Охотники обшарили соломенную изгородь база — не спрятал ли, мол, чабан ружье в соломе — и направились к колодцу умываться. Они догнали чабанов и попытались еще попросить Афанасия, мол, если пошутил, спрятал ружье — отдай. Этого Афанасий только и ждал. Когда проходили мимо колодца, охотники сами заметили оставшиеся от овцы рожки да ножки.

— Их там вчера не было, — сказал один.

— И я не видел, — подтвердил второй.

Охая и ахая Афанасий побежал к артезиану. За ним бежали охотники.

— Да что же это такое, — причитал чабан, — три охотника не укараулили отару! Напали, будто я ружье спрятал. А оно, смотрите, смотрите, вот оно, ваше ружье! Волк овцу тащил да заодно и ружьишко ваше прихватил.

Афанасий сокрушался, бранил волков, а охотники стояли пристыженные и не могли понять, как все это случилось. Потом решили сами, что волк тащил овцу мимо спящего товарища, овца зацепила ногой ремень ружья. Так ружье и попало к колодцу. Ничего другого насчет пропажи охотники придумать не могли.

Вот дела-то, братцы мои, и все правда. А расскажи охотникам — не поверят.

